

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-313-326>

EDN: WYSXYV

Научная статья / Research Article

Концептуальные подходы к пониманию категории «истина» в юридической науке

П.Л. Лихтер  

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

 lixter@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются отдельные аспекты понимания категории «истина» в юридической науке. С одной стороны, истина является целью любого правового исследования, с другой стороны – это автономная сущность, которая обладает самостоятельной ценностью из-за возможности отражения в научном познании объективной реальности. Классическая корреспондентная концепция истины исходит из соответствия рационального знания объективной реальности (лат. *veritas est adaequatio rei et intellectus*). Однако методологических инструментов классических теорий не всегда достаточно для общей теории права и отраслевой догматики. В статье предлагается дополнить классические подходы достижениями современной науки, в том числе рассмотреть возможность использования применяемого сегодня в аналитической философии понятия супервентности. Несмотря на то, что объектам правовой реальности присущи признаки формальности, абстрактности, темпоральности, следует признать факт их существования как уопостигаемых элементов объективного мысленного бытия участников правоотношений. Соответственно, в статье обосновывается самостоятельный онтологический статус правовых феноменов. Отмечается важность характерного для объективного идеализма приоритета рациональной идентификации над чувственным восприятием. Автор классифицирует объекты правовой реальности на эссенциальные, торсионные и фиктивные, которые могут отражать, искажать или деформировать истинную сущность. Особое внимание уделяется алгоритму различения реальных и кажимых явлений юридической действительности. Разрешение поставленных задач достигается с помощью диалектического, системного, логического, нормативно-ценностного, структурно-функционального, историко-правового, формально-юридического, теоретико-прогностического методов. По итогам исследования делается вывод о возможности совмещения корреспондентной теории истины и концепции супервентности правовой реальности для установления онтологических предпосылок возникновения юридических конструкций.

© Лихтер П.Л., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: истина, справедливость, правовая реальность, правовые феномены, супервентность, объективный идеализм, онтология права, философия права

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 20 сентября 2023 г.

Принята к печати: 15 апреля 2025 г.

Для цитирования:

Лихтер П.Л. Концептуальные подходы к пониманию категории «истина» в юридической науке // RUDN Journal of Law. 2025. Т. 29. № 2. С. 313–326. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-313-326>

The Concept of ‘Truth’ in Legal Science: A Theoretical Exploration

Pavel L. Likhter  

Penza State University, Penza, Russia

lixter@mail.ru

Abstract. The author explores the concept of “truth” in jurisprudence, positioning it both as the ultimate goal of legal research and as an autonomous entity with independent value due to its ability to reflect objective reality in scientific knowledge. While the classical correspondence theory (“truth is the adequation of things and intellect”, Latin: *Veritas est adaequatio rei et intellectus*) provides a foundation, its methodological tools are often insufficient for the general theory of law and legal dogmatics. To address this, the article proposes enhancing classical approaches with modern scientific advancements, specifically incorporating the concept of supervenience from contemporary analytic philosophy. Despite the formality, abstractness, and temporality associated with legal reality, these should be recognized as intelligible elements of the objective mental existence of participants in legal relations. The article posits and substantiates the independent ontological status of legal phenomena, emphasizing the priority of rational identification over sensory perception, characteristic of objective idealism. Legal reality objects are categorized as essential, torsion, and fictitious to reflect, distort, or deform the true essence. The article pays special attention to the algorithm for distinguishing between real and apparent phenomena of legal reality. Achieving these goals is feasible through the use of dialectical, systemic, logical, normative-value, structural-functional, historical-legal, formal-legal, and theoretical-prognostic methods of cognition. The research findings demonstrate the relevance of combining the correspondence theory of truth with the concept of supervenience of legal reality to establish the ontological prerequisites for the emergence of legal constructions.

Key words: truth, justice, legal reality, legal phenomena, supervenience, objective idealism, ontology of law, philosophy of law

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 20th September 2023

Accepted: 15th April 2025

For citation:

Likhter, P.L. (2025) The Concept of 'Truth' in Legal Science: A Theoretical Exploration. *RUDN Journal of Law*. 29 (2), 313–326. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2025-29-2-313-326>

Введение

Понятия «истина», «истинность», «истинная справедливость» активно используются в философско-правовом дискурсе и отраслевой догматике, однако неочевидным остаются их содержание и сущностные критерии. Проблема заключается в некорректном использовании логико-философской терминологии в правовой науке, которое влечет смешение метафизики и эпистемологии истины с вопросами истинности/ложности юридических фактов. Часто термин некритически используется для формального обоснования положительной или негативной оценки законотворческих инициатив, правоприменительных действий. Использование связки с категорией «истина» провозглашает формальное соответствие знания фактам реальности, однако подобная предикативная связка вполне может скрывать и фиктивную сущность. Важно, чтобы правовые институты не искажали фундирующие их (определяющие суть) предпосылки, в том числе если речь идет об абстрактной категории «справедливость».

Нередко в нормативных актах¹ и судебных решениях² используются термины «объективная истина» и «абсолютная истина». В то же время критерий объективности определяется сущей, независимой от человека характеристикой, которая всегда требует уточнения, когда речь идет о праве как области социального взаимодействия. Вот почему в некоторых случаях некорректно заявлять о достижении «абсолютной истины» как исчерпывающего знания об объекте в условиях постоянных технических, социально-экономических, культурных изменений. Требуется научно обоснованное разграничение понятий «абсолютная истина», «бесспорная истина», «неопровержимая истина», «объективная истина» и т.п.

Провозглашение объективной истины оправдано в точных науках (впрочем, с точки зрения скептицизма и это спорно). В общественных же науках истина во многом определяется восприятием субъекта. Некоторые исследователи обосновывают когерентную концепцию истины (от лат. *cohaerens* – «находящийся в связи»), которая предлагает оценку знаний с точки зрения соответствия другому знанию, полагаемого истинным, в рамках единой логической системы. Однако в юридической науке большая предметная область исследования находится вне рамок признаваемой всеми системы верификации – этические, аксиологические, эстетические и другие аспекты. Когерентная концепция истины не дает окончательный ответ на вопрос об определении достаточных критериев признания истинным или ложным определенного каталога ценностей, целей, субъективных прав.

¹ Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (принят в г. Лондоне 16.11.1945) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 40–43.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П // Собрание законодательства РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3424; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.10.2021 № 80-УД21-7-К6 // СПС «КонсультантПлюс».

Подобные проблемы приводят к тому, что появляются теории, признающие любую истину относительной. Соответственно, обосновываются постмодернистские концепции (в том числе в юридической науке), уравнивающие знание и субъективное мнение (Chestnov, 2012). В то же время такие характеристики постмодерна, как релятивизм, антинарратив, неверное прочтение, деконструкция, разорванность смысловой структуры, могут быть средствами достижения художественных целей в искусстве, но не в юриспруденции. Отказ от поиска истины содержит риски субъективного произвола, что актуализирует необходимость установления объективных онтологических оснований при формировании правовой реальности.

Рассмотрению отдельных аспектов категории «истина» в области юридической науки посвящены работы В.И. Пржиленского (Przhilensky, 2015:23–43), М.В. Антонова, В.В. Оглезнева (Antonov & Ogleznev, 2020:42–61), С.И. Захарцева, В.П. Сальникова (Zakhartsev & Salnikov, 2016:96–100). Среди зарубежных авторов необходимо выделить Д. Паттерсона (Patterson, 1996), Дж. Колемана (Coleman, 1995), С. Хаак (Naack, 2003).

Установление соотношения знания и объекта исследования в терминах истинности-ложности важно не только для отраслевой догматики, но и для общей теории права, где сохраняется проблема верификации соотношения знания и факта. В то же время праведы в основном рассматривают истину в узком значении – для описания качественных характеристик элементов гражданского (Bonner, 2009) или уголовного процесса (Bezryadin et al., 2021:133–143). Предложенная в настоящем исследовании концепция предполагает возможность инструментального применения категории «истина» при изучении самостоятельного онтологического статуса базовых составляющих правовой реальности.

Основной целью статьи является исследование некоторых аспектов понимания категорий «истина» для определения возможной методологии поиска сущностных предпосылок элементов правовой реальности.

Исходя из целей работы планируется разрешить следующие задачи:

- 1) краткий обзор классических концепций истины в истории философско-правовой мысли;
- 2) анализ некоторых современных подходов, в том числе в аналитической философии;
- 3) поиск критериев истинности правовых феноменов с точки зрения объективного идеализма;
- 4) постановка проблемы самостоятельности онтологического статуса правовых институтов;
- 5) установление истинности знания о правовых феноменах на примере соотношения их с категорией «справедливость».

Разрешение поставленных задач достигается с помощью диалектического, системного, нормативно-ценностного, структурно-функционального методов. При анализе сложившихся правовых феноменов используются историко-правовой, формально-юридический, теоретико-прогностический и нормативно-ценностный методы познания. Функциональный, логический, и системный методы применяются при установлении зависимости между базовыми основаниями правовой реальности и ее феноменами.

Краткий обзор некоторых подходов к пониманию категории истины в истории философско-правовой мысли

На различных этапах человеческой истории сформировалось несколько основных концепций истины: когерентная, конвенциональная, прагматическая, верификационистская, плюралистическая. Критериями истинности соответственно могут признаваться ясность, полезность, непротиворечивость или общепризнанность. Для юридической науки теоретическое и практическое значение сохраняет возникшая в Древней Греции корреспондентная (от лат. *correspondentia* – соответствие) концепция, суть которой заключается в том, что знание (высказывание, утверждение) считается истинным, если соответствует фактам окружающей действительности. Основная модификация корреспондентной теории – «классическая» концепция, предложенная Платоном и Аристотелем, презюмирует соответствие мысли объективной реальности.

Однако когда речь идет о правовой реальности, следует учитывать ее специфику, которая заключается в свойствах формальности, абстрактности, темпоральности, ценностно-нормативной ориентированности. Правовая реальность предполагает не только дескриптивные высказывания, описывающие некие фактические обстоятельства (например, факт нахождения подсудимого в месте совершения преступления), но и прескриптивные утверждения о должном, идеальном, обязательном. В рамках корреспондентной теории истины, например, сложно утверждать, что положения о социальном характере государства истинно или ложно, так как статья 7 Конституции РФ содержит не описание действительности, но цель, которая определяет направления правовой стратегии.

Одним из первых над вопросами истинности фактов окружающей действительности задумался Парменид. Во вступлении к поэме «О природе» он описывает, как дочери Солнца указывают поэту два возможных варианта познания: путь к истине или путь к мнению. Мнение может оказаться ошибочным в отличие от неизменного единства истинного бытия (Parmenides, 1989).

Затем Платон схожим образом соотнес истину с вечными эйдосами, обладающими вневременными качествами, что отличает их от расхожих мнений, свойственных земному воплощению вещей (Plato, 1990:609). В мифе Платона о пещере (седьмая книга «Государства») феноменальный мир, воспринимаемый органами чувств, сравнивается с тенями на стене. Автор последовательно описывает ситуацию нахождения в оковах незнания; освобождение от этих оков (осознание истины в свете солнца); выход из пещеры (понимание сути окружающего мира); а затем возвращение в пещеру. Цель познания заключается в поиске методологии, позволяющей выйти из пещеры и увидеть реальность как она есть. Восхождение и созерцание вещей, находящихся в мире идей, есть «подъем души в область умопостигаемого» (Государство, 517b). На вершине иерархии эйдосов у Платона находится идея блага – основа всего прекрасного и истинного. Не просто подлинное бытие, но самое светлое, то есть освещающее другие объекты для уяснения их истинной сущности.

С древнегреческого языка слово «ἀλήθεια» можно перевести как «нескрытое, нескрываемое, незамкнутое». Значение слова удачно передается русским термином «истина» – то, что есть (на самом деле)³. Начиная с Платона истина связана

³ Впрочем, В.В. Набоков считал, что слово «истина» – одно из трех слов русского языка, которое непереводимо на иностранные языки (Nabokov, 1981).

с поиском *сущности* объектов, а не анализом проявлений их *существования*. Здесь нет противоречия: тому, что укоренено в бытии, сложно оставаться сокрытым от рациональной идентификации. В перспективе античного мировоззрения истина – это не просто констатация наличия или отсутствия какого-либо факта в духе позитивизма; истина – это еще и откровение. Некая трансцендентальная реальность сама себя нам приоткрывает, но у нас нет твердого представления о механизме этого процесса. Соответственно, сущностным свойством истины будет ее «открытость» для объективного и строго онтологического понимания.

Особенно наглядно такое (онтологическое) понимание истины у Парменида и Платона при употреблении существительного «ἀλήθειν» и прилагательного «ἀληθής». Если у многих, включая и предшествующих греческих авторов, приемлемый перевод этих терминов будет «истина» и «истинный», то у Парменида их лучше переводить как «реальность» и «реальный» (Palmer, 2009:89).

М. Хайдеггер также не устал указывать на онтологическую природу термина «ἀλήθεια». В интерпретации Хайдеггера нам доступно для познания только несокрытое (нем. *Unverborgenheit*), или откровенное бытие (Heidegger, 1949:22). Отсюда возникает вопрос о соотношении «несокрытого» в смысле несомненной истины (то, что есть) и «очевидного», например, доступного нашему чувственному восприятию.

Соответственно, необходимо выделить следующие модификации рассматриваемой категории: рациональная истина (достижимая при познании мира интеллигибельных объектов) и чувственно воспринимаемая истина (что есть то истина), которая предполагает установление истинности фактов в матрице «феноменального мира» непосредственной действительности. Однако органы чувств не в состоянии воспринимать мир целиком, поэтому такая истина будет фрагментарной и требовать постоянной достройки в уме субъекта.

Вопрос о природе истины сохраняет значение в том плане, что познание юридической действительности опирается на две исходные точки: «вопрос восприятия и вопрос сущности истины» (Freitag, 1905:1). Оба вопроса можно переформулировать следующим образом: «насколько можно доверять чувственному восприятию, то есть насколько оно является истинным?» и «насколько истина вообще зависит от восприятия?».

Кроме того, с точки зрения влияния внешних факторов на восприятие правовых институтов еще одним ключевым вопросом теории познания будет: «Каким образом окружающий нас мир *открывается* для человеческого познания?». От ответа на этот вопрос в свою очередь будет зависеть разрешение проблемы самостоятельности онтологического статуса правовых феноменов.

Истина как отражение самостоятельного онтологического статуса объектов правовой реальности

Вопрос о том, как нам открывается истина в правовой реальности, во многом зависит от концептуальной позиции исследователя. Сторонники субъективизма отметят значение индивидуального восприятия; материалисты – физические и биологические факторы формирования правовых институтов. Для идеалистических школ права, на которые повлияли Платон, И. Кант, Р. Штаммлер и другие философы, ключевыми являются рассуждения об онтологической подлинности нематериальных объектов окружающего мира. Соответственно, утверждение об истинности

какого-либо знания напрямую зависит от того, как человек воспринимает феноменальный мир.

С одной стороны, любое познание субъективно, так как предполагает вступление познаваемого объекта в сознание посредством интеллигибельных (лат. *intelligibilis* – умопостигаемый) категорий. То есть категорий, доступных уму или интеллектуальной интуиции, а не органам чувств. В то же время эти феномены предполагают некую объективность, обеспечивающую единое восприятие их сущности различными субъектами. Важной гносеологической проблемой при этом будет различение реальности и кажимости воспринимаемых объектов. М.К. Мамардашвили размышлял над вопросом о самой возможности появления различия между реальными и кажимыми явлениями, обращаясь к мифу о пещере Платона: «...жизнь подобна пещере, в которой мы видим лишь тени. Эта метафора обрисовывает всю ситуацию мысли, когда мыслить – это значит оперировать различием между кажущимся и тем, что есть на самом деле. /.../ Если бы человек имел только опыт, он никогда этого не узнал бы. Но показать, откуда это приходит, то есть как случилось, что он узнал, где реальность, а где кажимость, остается тайной, которую мы можем только принять как случившийся факт» (Mamardashvili, 2000:55). М.К. Мамардашвили актуализирует две концепции Платона: об истинном как несокрытом (*ἀλήθεια*) и о приоритете рационального восприятия над чувственным. Исходя только из опыта, по мнению М.К. Мамардашвили, нельзя отличить реальность от кажимости. Для познания истинных элементов реальности необходима независимая от антропологической природы составляющая, которая помогает в этом различении.

Материалистическое мировоззрение позволяет рассматривать любой объект окружающего мира в четырех измерениях: материя, форма, причина, цель. Однако если мы говорим о правовой реальности, то большее значение приобретают абстрактные конструкции. Если в обыденном восприятии вещь прежде всего определяется через набор физических характеристик, то в юридической действительности вещь – это в первую очередь объект правоотношений. Правоотношения могут быть гражданскими, административными, конституционными и не во всех из них объектами выступают материальные объекты. Однако это не значит, что формальные правоотношения не существуют и не обладают самостоятельным онтологическим статусом.

За счет свойств формальности и объективности участниками правоотношений формируются объекты правовой реальности, которые представляют собой интересующие абстракции. Мы не можем отказать им в существовании по причине отсутствия определенной формы воплощения. Ведь истинность этих объектов не является нам в смысле «*existere*» (от лат. – быть видимым), но они безусловно существуют в смысле «*est*» как интеллигибельные элементы мысленного бытия участников правоотношений.

Самостоятельный онтологический статус объектам может придать не только их форма и материальность, но и универсальные смыслы, которые характеризуют внутреннее содержание. В этом плане следует согласиться со следующим определением реальности: «это возможность иметь бытие, независимое от субъективной воли» (Berger & Luckmann, 1991:13). Возможность общего восприятия и понимания объектов правовой реальности служит основой взаимодействия людей в обществе.

Для объяснения некоторых вопросов восприятия объектов внешнего мира нередко в аналитической философии вместо импликации (связки «если – то»)

используется такое понятие, как «супервентность» (Likhter, 2023:20–32). Для разъяснения сути этого понятия целесообразно привлечь формулировку Д. Чалмерса: *«Б-свойства супервентны на А-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их Б-свойствах»* (Chalmers, 2013:55).

Как правило, к проблеме супервентности философы сознания обращаются, когда описывают сложную детерминированность внутренних ментальных явлений от внешних физических предпосылок. Однако она может быть использована и при установлении истинности знания об элементах правовой реальности. Супервентность правовых феноменов на социальных, экономических, культурных или иных основаниях позволяют скорректировать методологию исследования правовых феноменов, детерминированных абстрактными, но существующими идеальными объектами.

При установлении отношения супервентности для получения истинного знания в правовой сфере следует исходить из того, что феномены права (Б-факты) супервентны на фактах реальной действительности (А-фактах) только в том случае, если Б-факты детерминированы А-фактами сходным образом, соответственно Б-факты не могут иметь различия при тождестве А-фактов. Под отсутствием различия здесь понимается не нумерическое тождество фактов, а соответствие классов понятий. Например, если объектами гражданского правоотношения выступает дом как объект недвижимости, то при рациональной идентификации его в формальной структуре сделки не имеет существенного значения цвет его стен, количество окон и другие акцидентные признаки. Важна сама *причастность* дома как объекта восприятия к понятию недвижимости (даже если его легко переместить в пространстве). Стремление сгруппировать все случайные свойства по определенным критериям ведет к потере универсалий, что исключает возможность установления истинности фактов по классам понятий.

Признание самостоятельного онтологического статуса правовых феноменов противостоит методологическому редуccionизму материалистических концепций. Материалистический подход в правовой науке недостаточен, потому что без идеальных категорий и абстракций невозможно установить истинность ряда юридических фактов.

Установление истинности знания о юридических фактах в контексте объективного идеализма

Для понимания классической модификации корреспондентной концепции истины, сформулированной Платоном, требуется знание теории эйдосов. Можно редуцировать теорию эйдосов до ряда простых вопросов, например: «Почему какое-то суждение является истинным...?» С точки зрения объективного идеализма возможен следующий вариант ответа: «Суждение является истинным из-за присутствия в ней истины». На первый взгляд, подобный ответ не больше, чем простая тавтология, которая не порождает новое знание. Но суть его заключается в том, что только признак объективности наделяет суждение истинностью в платоническом смысле.

Истинность правового феномена следует из его восприятия как реально существующего. Объективный идеализм предполагает супервентность предметов окружающего мира, феноменов и иных составляющих реальности на высших идеях. *Субъективное восприятие не определяет истинность или фиктивность элементов правовой реальности, правовыми их делает объективный масштаб, то есть независимые от каких-либо мнений идеи, выступающие предпосылками права.*

В контексте объективного идеализма важно восприятие как реально существующих тех идеальных универсалий, что отражают правовые феномены, среди них: справедливость, гармония, благо. Идеальная категория «справедливость» позволяет определять соответствие правовых феноменов фактическому состоянию действительности. Закон не представляет собой эссенциальный объект правовой реальности, если соответствует только форме и процедуре принятия. Без отражения сущностных идеальных категорий нормативное установление не может быть признано объектом правовой реальности *per se*. Нюрнбергские расовые законы не являлись таковыми, поскольку нарушали принцип справедливости, преследуя античеловеческие цели.

Познание онтологической сущности юридических конструкций в перспективе платонизма происходит посредством следующего алгоритма. Так как мы можем знать и понимать только объекты интеллигибельного (доступного рациональной интуиции) мира, то наш разум должен «припомнить» значение высших эйдосов. Только после того, как разум обнаружит «соприсутствие» истины в изучаемом объекте, выбор будет очевидным. Идея при этом выступает не просто как субстанция или причина соответствующего рода вещей, но еще и как их смысловой образец, то есть та онтологическая структура, из которой следует существование вещи не только в материальном плане, но и логически (Losev, 2000:170).

Платон разделяет познавательные акты на формирующие истинное знание и на мнение о преходящих вещах. Знание – «эпистема» (греч. *ἐπιστήμη*), в свою очередь, делится у него на рассудочную часть «дианойю» (греч. *διανοία*) и интуитивную часть «ноэзис» (греч. *νόησις*). Ноэзис, по мнению Платона, есть высшая ступень познания истины, так как предполагает чистое беспредпосылочное созерцание мира идей, не опосредованное органами чувств. Такая рациональная идентификация позволяет осознать тот или иной элемент окружающей действительности.

При этом Платон не отрицает реальность тех ощущений, которые испытывает человек, сталкиваясь с объектами «феноменального мира». Просто они не могут быть критериями истинности или ложности, так как субъект воспринимает их всегда с искажением из-за несовершенства органов чувств, а также влияния расхожих мнений окружающих. Истина, по Платону, воспринимается рациональным, а не эмпирическим путем, так как подобное можно познать только подобным. Взгляд философа в первую очередь направлен туда, что В.О. Пелевин позднее назовет «бесформенным совершенством по ту сторону всякого опыта» (Pelevin, 2020:369).

Справедливость как предпосылка элементов правовой реальности

Рассмотрим возможность установления истинности определенного знания о правовых феноменах на примере их соотношения с идеальной категорией «справедливость».

Политико-правовая концепция Платона, представленная в «Государстве», предполагает, что сущностью любого правового института выступает *справедливость*. В своей статье «*Platonic Justice*» Г. Кельзен пишет о том, что в платонизме единственным критерием неравенства в политике и праве выступает справедливость. Справедливость определяет суть устройства государства и общества, в том числе при написании законов. Кельзен отмечает, что для Платона политическая истина первична по отношению к рациональной научной истине, несмотря на то, что теория идей предполагает рациональное познание высшей и абсолютной целью

рациональное познание само по себе (Kelsen, 1938:367–400). Социальная философия Платона развивает идею справедливости как общественного идеала, как базовое условие оптимальной правовой системы. То, что Кельзен называл принципом единства онтологических и метафизических, а также этических и политических взглядов Платона, можно рассматривать в перспективе супервентности правовых институтов на идеальной категории «справедливость».

Тема законов, основанных на истинной справедливости, наиболее полно развита в диалоге «Государство». В нем феноменалистская проблематика справедливости подсвечивает ее роль в цепочке причинно-следственных связей формирования правовых институтов, а также взаимосвязь с социальными аспектами. В условиях организованного человеческого сообщества *бытие* (или онтология справедливости) влияет и одновременно зависит от ее внешних *проявлений* (правовых институтов).

На уровне политической и правовой деятельности такая связь актуализирует вопрос о социальном измерении справедливости: ее скрытая (интровертная) форма должна быть «усилена» открытой (экстравертной) модификацией для достижения определенных целей. То, что мы воспринимаем как элементы правовой реальности, в терминах Платона доступно как *феноменология справедливости*.

По Платону, в случае, если государственно-правовые институты детерминируются искаженными предпосылками, то на феноменальном уровне неизбежно возникает «расщепление» справедливости. Тогда возникает конфликт между проявлениями истинной и кажимой справедливости. Позднее эта проблематика будет рассмотрена Августином: когда правители земного града приписывают себе функцию града божьего, наглядно поражение на феноменологическом уровне истинной социальной справедливости от кажимой справедливости (Saint Augustine, 2000). Подобное искажение содержит риски легитимизации кажимой справедливости антигуманистических идеологий.

Проблема истинного (или несокрытого) наглядна у Платона во второй книге «Государства» при соотнесении политико-правовых феноменов с их сущностным содержанием. Так, идея справедливости распадается на две модификации: эссенциальную и функциональную. Первая ценна сама по себе, вторая – наступлением позитивных последствий для ее носителя. Эссенциальная справедливость непосредственно смыкается с идеей блага или, точнее, сопристутствует в ней. Функциональная же справедливость – это лишь предпосылка блага, выполняющая для последнего служебную функцию.

Феноменалистская тема проявления онтологических оснований явленных феноменов доказывает значимость функциональной концепции справедливости для юриспруденции. Главкон во второй книге «Государства» последовательно аргументирует, почему носитель кажимой справедливости на самом деле всегда должен прикрывать ею скрытую несправедливость подлинного образа жизни: «крайняя степень несправедливости – это казаться справедливым, не будучи им на самом деле /.../ Представив себе таким несправедливого человека, мы в этом нашем рассуждении противопоставим ему справедливого, то есть человека простого и благородного, желающего, как сказано у Эсхила, не казаться, а быть хорошим» (Государство, 361e). Кажется, что приведенный фрагмент текста больше имеет воспитательное значение для выбора личной жизненной стратегии читателя, но он важен и для установления истинности отражения в правовых феноменах сущностных идей. Соотношение истинной и кажимой справедливости ставит вопрос о соотношении правовых идей и

фактически сложившихся институтов. Поиск и корректировка разрыва между идеальной и фиктивной справедливостью представляет собой ключевую задачу юриспруденции.

По итогам дискуссии в «Государстве» делается вывод о том, что должны быть созданы такие предпосылки для формирования государственно-правовых институтов, при которых режим отодвинутой справедливости в принципе будет невозможным. Чем дальше государство отпадает от эйдоса справедливости, тем больше деформаций в его правовой системе. Соответственно, по факту любые правовые феномены могут отражать, искажать или деформировать истинную сущность. Поэтому среди феноменов правовой реальности необходимо различать:

1) *Эссенциальные* феномены, которые являют нам некую сущность (эссенцию), то есть дают истинное знание о реальности базовых для права идей и ценностей. Их восприятие схоже с пониманием правил математики, которые не зависят от субъекта. Несмотря на то, что эссенциальные правовые феномены могут быть ориентированы на предельно абстрактные ценности, вроде добра, блага или справедливости, они имеют определяющее значение для правовой аксиологии, а также основ оперативного взаимодействия индивидов в обществе.

2) *Торсионные* (искаженные) феномены претендуют на собственную истинную «сущность», но на деле искажают то, что в принципе должны являть. Иногда искажение может быть неосознанным результатом предубеждения, иногда – следствием целенаправленного лоббирования интересов определенного круга выгодоприобретателей. В любом случае торсионные правовые феномены не соответствуют критерию истинности с точки зрения объективного идеализма.

3) Наиболее опасны для правовой реальности *фиктивные* феномены. Яркими примерами фиктивных феноменов служат законы гитлеровской Германии о защите немецкой крови – легитимные по форме правовые акты по сути являлись антиправовыми, переворачивающими суть справедливого закона.

Сложность ряда методологических вопросов в понимании истины наметили устойчивую тенденцию некоторых современных исследователей по стиранию различий между объективным знанием и субъективным мнением; обоснованию невозможности достижения истины в естественных, а тем более общественных науках. Но академик А.А. Зализняк, критикуя отказ от поиска истины в постмодернистской традиции, высказался в защиту двух идей, «...которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно: 1) истина существует, и целью науки является ее поиск; 2) в любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант.

Им противостоят положения, ныне гораздо более модные: 1) истины не существует, существует лишь множество мнений; 2) по любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке...»⁴. В заключение А.А. Зализняк отметил отсутствие надежды на то, что подобный вектор науки переменится сам собой. Для этого нужны совместные усилия людей, осознающих ценность истины.

⁴ Речь А.А. Зализняка на церемонии вручения литературной премии Александра Солженицына // Российская газета. 28.12.2017. № 296 (7462). С. 4.

Сказанное в полной мере относится к юридической науке, которая не может провозглашать бесконечное многообразие концепций, если речь идет о необходимости построения иерархических структур правовой реальности (ценностей, принципов, субъективных прав). Если истинность всех ценностей, целей, идеалов (в том числе правовых) может формироваться индивидом самостоятельно, то, что остается на долю объективного мира? Чем интенсивнее субъективизм, тем более пустым и бессодержательным оказывается объективный мир.

Заключение

Подводя итог исследованию, необходимо сделать несколько выводов.

1) Ряд концептуальных подходов к категории «истина», сформированных в Античности, сохраняют актуальность: для юридической науки остается значимым приоритет рациональной идентификации над чувственным восприятием (корреспондентная теория истины в трактовке Платона). Такой подход предполагает фокусировку внимания на поиске сущности объектов окружающего мира, а не анализе проявлений их существования.

2) Познание юридической действительности опирается на две исходные точки: «вопрос восприятия и вопрос истины», которые можно переформулировать следующим образом: насколько можно доверять чувственному восприятию и насколько истина в принципе зависит от субъекта? Отсутствие материальных свойств у правовых феноменов не означает, что они не существуют в реальности. Такой вывод противоречил бы факту их единого восприятия субъектами правоотношений как интеллигивных элементов объективного мысленного бытия.

3) Признание самостоятельного онтологического статуса правовых феноменов противостоит методологическому редукционизму материалистических концепций. Их объяснительные стратегии не всегда достаточны, потому что без идеальных категорий и абстракций невозможно не только установить истинность юридических фактов, но и надлежащим образом классифицировать их.

4) Ключевое значение для построения правовой реальности имеет уточнение понимания категории «справедливость» в юридической науке. Феноменалистская проблематика справедливости определяет ее роль в формировании правовых институтов; ее взаимосвязь с социальными, этическими, эстетическими аспектами. В условиях организованного человеческого сообщества бытие (или онтология справедливости) влияет и одновременно зависит от ее внешних проявлений (правовых институтов).

5) Ключевым вопросом восприятия правовой реальности остается алгоритм различения реальных и кажимых объектов. Это невозможно сделать исходя лишь из опыта. Соответственно, при познании реальности необходима независимая от антропологической природы рациональная составляющая для идентификации объектов.

References / Список литературы

- Antonov, M.V. & Ogleznev, V.V. (2020) Legal Positivism and Truth in Law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 15 (4), 42–61. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-4-antonov-ogleznev> (in Russian).

- Антонов М.В., Оглезнев В.В. Юридический позитивизм и истина в праве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 4. С. 42–61. <https://doi.org/10.35427/2073-4522-2020-15-4-antonov-ogleznev>
- Berger, P. & Luckmann, T. (1991) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. London, Penguin Books.
- Bezryadin, V.I., Akinin, Ya.E. & Morozov, A.I. (2021) Correlation of the Content of Truth as a Category of Criminal Procedure Law and Philosophy. *Legal Science: History and Modernity*. (11), 133–143. (in Russian).
- Безрядин В.И., Акинин Я.Е., Морозов А.И. Соотношение содержания истины как категории уголовно-процессуального права и философии // Юридическая наука: история и современность. 2021. № 11. С. 133–143.
- Bonner, A.T. (2009) *Problems of Establishing the Truth in Civil Proceedings*. St. Petersburg, Legal Book. (in Russian).
- Боннер А.Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе. СПб.: Юридическая книга, 2009. 832 с.
- Chalmers, D.J. (2013) *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Trans. Vasiliev, V.V. Moscow, URSS: Librocom Book House Publ. (in Russian).
- Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / перевод с англ.; под ред. В.В. Васильева. М.: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2013. 509 с.
- Chestnov, I.L. (2012) *Postclassical Theory of Law*. St. Petersburg, Alef-Press. (in Russian).
- Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Алеф-Пресс, 2012 649 с.
- Coleman, J.L. (1995) Truth and Objectivity in Law. *Legal Theory*. 1 (1), 33–68. <https://doi.org/10.1017/S1352325200000069>
- Freitag, W. (1905) *Die Entwicklung der griechischen Erkenntnistheorie bis Aristoteles in ihren Grundzügen dargestellt*. Halle, M. Niemeyer Verlag.
- Haack, S. (2003) Truth, Truths, “Truth,” “Truths” in the Law. *Harvard Journal of Law & Public Policy*. (26), 17–21.
- Heidegger, M. (1947) *Platons Lehre von der Wahrheit: Mit einem Brief über den “Humanismus”*. Bern, A. Francke AG. Verlag.
- Kelsen, H. (1938) Platonic Justice. *International Journal of Ethics*. 48 (3), 367–400. <https://doi.org/10.1086/290003>
- Likhter, P.L. (2023) Supervenience of Legal Reality: The Problem of the Ontological Status of Essential and Phenomenal Elements. *Journal of Russian Law*. 27 (2), 20–32. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.014> (in Russian).
- Лихтер П.Л. Супервентность правовой реальности: проблема онтологического статуса эссенциальных и феноменальных элементов // Журнал российского права. 2023 Т. 27. № 2. С. 20–32. <https://doi.org/10.12737/jrp.2023.014>
- Losev, A.F. (2000) *History of Ancient Aesthetics in Eight Vols. Sophists. Socrates. Platon*. Vol. 2. Moscow, ACT House LLC Publ. (in Russian).
- Лосев А.Ф. История античной эстетики в 8 томах. Том 2. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ; X.: Фолио, 2000. 846 с.
- Mamardashvili, M.K. (2000) *The Aesthetics of Thinking*. Moscow, Moscow School of Political Research Publ. (in Russian).
- Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 205 с.
- Nabokov, V. (1981) *Lectures on Russian Literature*. New York, Harcourt Brace Jovanovich Publ.
- Palmer, J. (2009) *Parmenides and Presocratic Philosophy*. Oxford, Oxford University Press.
- Parmenides. (1989) About Nature. In: Lebedev, A.V. (comp.) & Rozhansky, I.D. (ed.) *Fragments of the Early Greek Philosophers*. Part I: From the Epic Theocosmogony to the Emergence of Atomism. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).

Парменид. О природе. Фрагменты из произведений ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А.В. Лебедев, отв. ред. И.Д. Рожанский. М.: Наука, 1989. 576 с.

Patterson, D.M. (1996) *Law and Truth*. New York, Oxford University Press.

Pelevin, V.O. (2020) *The Invincible Sun*. Moscow, Eksmo Publishing House. (in Russian).

Пелевин В.О. Непобедимое Солнце. М. : Эксмо, 2020. 704 с.

Plato. (1990) Collected Works. In: Losev, A.F., Asmus, V.F., & Takho-Godi, A.A. (eds.) *Collected Works in Four Vols*. Vol. 1. Moscow, Mysl Publ. (in Russian).

Платон. Собрание сочинений: в 4 томах. Т. 1 / общ. ред. А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, А.А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1990. 860 с.

Przhilensky, V.I. (2015) Reality and Truth within Constructivist Paradigm of Legal Philosophy. *Lex Russica*. (5), 23–43. (in Russian).

Пржиленский В.И. Реальность и истина в конструктивистской парадигме философии права // *Lex Russica*. 2015. № 5. С. 23–43.

Saint Augustine. (2000) *The City of God*. Minsk, Harvest Publ. (in Russian).

Августин Блаженный. О граде Божьем. Минск : Харвест; М. : АСТ, 2000. 1296 с.

Zakhartsev, S.I. & Salnikov, V.P. (2016) The Truth as a Problem of Philosophy: Classic and Postmodernism. *Russian Journal of Legal Studies*. 3 (2), 96–100. <https://doi.org/10.17816/RJLS18146> (in Russian).

Захарцев С.И., Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. 2016 Т. 3 № 2. С. 96-100. <https://doi.org/10.17816/RJLS18146>

Сведения об авторе:

Лихтер Павел Леонидович – кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права, Пензенский государственный университет; Российская Федерация, 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40

ORCID: 0000-0001-8950-4325, SPIN-код: 3124-1207

e-mail: laxter@mail.ru

About the author:

Pavel L. Likhter – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Private and Public Law, Penza State University; 40 Krasnaya st., Penza, 440026, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8950-4325, SPIN-code: 3124-1207

e-mail: laxter@mail.ru